

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 24–33.
Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 2. P. 24-33.

Научная статья
УДК 81:1
EDN: SBCFYK
doi:10.17072/2587-6589-2026-2-24-33

<https://elibrary.ru/sbcfyk>

КАТЕГОРИИ В ФИЛОСОФИИ И ЛИНГВИСТИКЕ

Елизавета Вадимовна Малахова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
lisaveet@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой междисциплинарное исследование, посвященное комплексному анализу понятия «категория» в философской и лингвистической традициях. Основная цель работы – проследить историческую эволюцию и выявить диалектическую взаимосвязь между логическими формами мышления и средствами их языкового воплощения. Методологическую основу составляет историко-сравнительный анализ ключевых философских систем и лингвистических теорий. Исследование начинается с анализа аристотелевского учения, в котором категории впервые систематизированы как фундаментальные роды бытия и предикаты высказывания. Далее рассматривается трансцендентальный подход И. Канта, перенесшего категории в сферу априорных структур рассудка, и объективно-идеалистическая диалектика Г. В. Ф. Гегеля. Особое внимание уделяется материалистической трактовке категорий как отражения исторической практики. В статье рассматривается лингвистический подход, связанный с идеей Э. Бенвениста о производности аристотелевских категорий от грамматического строя древнегреческого языка. В работе систематизируется разграничение между собственно языковыми (грамматическими) и надязыковыми (смысловыми) категориями, вслед за И. И. Мещаниновым. Рассматривается современное лингвистическое понимание категорий, включающее как строгие грамматические классы, так и широкие функционально-семантические поля (по А. В. Бондарко), объединяющие разноуровневые средства выражения общего смысла. В заключении делается вывод о неразрывной диалектической связи философских и лингвистических категорий, где первые представляют собой предельные логические понятия, а вторые – исторически изменчивые инструменты их языкового воплощения и объективации в мышлении. Статья носит междисциплинарный характер, интегрируя методы философского и лингвистического анализа.

Ключевые слова: категория, философия, лингвистика, функциональная грамматика, философия языка.

Для цитирования: Малахова Е. В. Категории в философии и лингвистике // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 24–33. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-24-33>. EDN: SBCFYK

Original article

CATEGORIES IN PHILOSOPHY AND LINGUISTICS

Elizaveta V. Malakhova

Perm State University, Perm, Russia, lisaveet@mail.ru

Abstract. The article presents an interdisciplinary study devoted to a comprehensive analysis of the concept of «category» in the philosophical and linguistic traditions. The main goal of the work is to trace the historical evolution and identify the dialectical relationship between logical forms of thought and the means of their linguistic embodiment. The methodological basis is formed by historical-comparative analysis of key philosophical systems and linguistic theories. The study begins with an analysis of Aristotle's doctrine, in which categories were first systematized as fundamental genera of being and predicates of utterance. It then examines the transcendental approach of I. Kant, who transferred categories to the sphere of a priori

structures of understanding, and the objective-idealistic dialectics of G. W. F. Hegel. Special attention is paid to the materialist interpretation of categories as a reflection of historical practice. The article considers the linguistic approach associated with E. Benveniste's idea of the derivability of Aristotelian categories from the grammatical structure of the Ancient Greek language. The work systematizes the distinction between properly linguistic (grammatical) and supralinguistic (conceptual, logical) categories, following I. I. Meshchaninov. The modern linguistic understanding of categories is examined, encompassing both strict grammatical classes and broad functional-semantic fields (according to A. V. Bondarko), which unite multi-level means of expressing common meaning. The conclusion draws an inference about the inseparable dialectical connection between philosophical and linguistic categories, where the former represents ultimate logical concepts, and the latter represent historically variable instruments of their linguistic embodiment and objectification in thought. The article has an interdisciplinary character, integrating methods of philosophical and linguistic analysis.

Keywords: category, philosophy, linguistics, functional grammar, philosophy of language.

For citation: Malakhova E. V. Categories in philosophy and linguistics. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;2:24-33. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-24-33>. EDN: SBCFYK

Введение

Основанием для систематического изучения категорий послужили труды Аристотеля – выдающегося мыслителя древности, «отца логики» и ученика Платона. Именно Аристотель создал учение о формах мышления, постигающего истину, то есть логику. Корпус его логических сочинений, составленный Андроником Родосским, открывается трактатом «Категории». Аристотель предпринимает фундаментальную для всей западной логики и философии языка попытку систематизировать все возможные предикаты, то есть способы высказывания о любой сущности: «Сущностью является, например, человек, лошадь. Количество – например, в два локтя, в три локтя. Качество – например, белое, сведущее в грамматике. Отношение, например, двойное, половинное, большое. Где – например, на площади, в Ликее. Когда – например, вчера, в прошлом году. Положение – например, лежит, сидит. Обладание – например, обут, вооружен. Действие – например, режет, жжет. Страдание – например, его режут, жгут. Каждое из перечисленных слов само по себе не обозначает никакого утверждения, < или отрицания >, но утверждение, < или отрицание > по видимому, или истинно, или ложно; из слов же, высказываемых вне всякой связи, ни одно не является ни истинною, ни ложью, как, например, человек, белое, бежит, побеждает» [Аристотель 1939: 6].

Понятие *категория* в философии определяется как предельно общее, фундаментальное понятие, выражающее существенные, всеобщие свойства, связи и отношения явлений как реальности, так и процесса её познания [Радченко, Гудзенко 2013]. Как отмечает Г. Александров, порядок категорий с точки зрения Аристотеля также вполне объясним. Сущность – реальная основа всех остальных общих понятий [Александров 1939: XII]. Если бы не существовало первичных сущностей, то не могло бы существовать и ничего другого. Вполне понятно, что она должна стоять на первом месте. На второе место Аристотелем вслед за греческой наукой V в. ставится количество: «Без изменения количества невозможен переход бытия из одного состояния в другое, с количеством связаны различия предметов, отсюда оно предшествует качеству. После количества и качества идет отношение, место которого также строго и логично определено: отношение дает возможность сравнивать количество и качество явлений, проникать в строгую зависимость и связь предметов. С несколько меньшим основанием Аристотель устанавливает порядок следующих категорий, часто меняя его самым радикальным образом» [Александров 1939: XII].

Основная часть

Аристотель выстраивает категории по принципу метафизической и логической иерархии: сущность – первая и главная категория. Всё остальное существует только как принадлежащее сущности или высказываемое о ней. Без сущности другие категории не имеют смысла (например, *белое* или *длиной в три локтя* должны относиться к чему-то – к человеку, лошади, статуе). Количество и качество – следующие по важности, так как определяют основные характеристики сущности: количество (длина, вес, число) и качество

(цвет, умение, характер). Они отвечают на вопросы «сколько?» и «какое?», что естественно следует после вопроса «что это?» (сущность). Отношение – категория, которая зависит от предыдущих. Отношение возникает между сущностями, обладающими количеством или качеством. Место и Время – условия существования сущности в мире. Положение, Обладание, Действие, Претерпевание – описывают состояние или деятельность сущности в конкретный момент.

Исследователи выделяют типы категорий: 1) общефилософские (сущность, форма, содержание и др.); 2) общенаучные (материя, движение и т. д.); 3) общелингвистические (локальность, оценка, акцентность и т. д.); 4) текстовые (проспекция, ретроспекция и др.) [Жеребило 2010].

В учении Аристотеля категории обладают двойственным характером. С одной стороны, они отражают то, как организована сама действительность – то есть являются онтологическими формами бытия. С другой стороны, эти же понятия определяют способы её вербального описания – выступая как логико-лингвистические формы высказывания о сущем. Его система категорий служит связующим звеном между структурой мира и структурой мысли, выраженной в языке: «В учении Аристотеля можно выделить два аспекта: категории – то, как организована сама действительность и одновременно то, как её можно описать вербальными средствами. Важно отметить, что категория сущности является субстанцией, а остальные 9 категорий – акциденции – «случайные, несущественные» свойства вещи» [БСЕ].

В своей философской системе И. Кант проводит фундаментальное различие между непознаваемой «вещью в себе» (ноуменом) и миром явлений, доступных нашему опыту. Поскольку сама реальность как таковая недоступна для познания, её невозможно и подвергнуть категориальному анализу. Однако, согласно И. Канту, человеческий рассудок обладает априорными (доопытными) структурными формами – «чистыми понятиями рассудка», или категориями. Объективное познание становится возможным благодаря тому, что данные категории структурируют чувственный опыт, придавая форму явлениям. В «Критике чистого разума» И. Кант выводит систему этих категорий из формальной логики, а именно из классификации возможных типов суждений. Он исходит из того, что поскольку рассудок проявляет себя в актах суждения, анализ логических форм суждения должен выявить и основные категории, которые рассудок вносит в познание. Все суждения могут быть охарактеризованы по четырём основаниям: количеству, качеству, отношению и модальности. Каждое из этих оснований, в свою очередь подразделяется на три вида (например, суждение по количеству бывает общим, частным или единичным). И. Кант выделяет 12 чистых категорий рассудка: количество (единство, множество, целокупность); качество (реальность, отрицание, ограничение); отношение (субстанция и принадлежность (акциденция), причина и действие, взаимодействие (общность)); модальность (возможность – невозможность, существование – несуществование, необходимость – случайность) [БРЭ 2009 т.13: 355].

И. Кант пишет: «Мы не можем мыслить ни одного предмета иначе как с помощью категорий; мы не можем познать ни одного мыслимого предмета иначе как с помощью созерцаний, соответствующих категориям» [Кант 1964: 117]. Это утверждение раскрывает центральную роль категорий в познании по И. Канту. В первой части говорится, что такие понятия, как причина или субстанция, являются необходимыми формами нашего мышления, без которых мы не можем осмыслить что-либо как целостный предмет. Однако, как уточняется во второй части, для получения знаний одних категорий недостаточно – к ним должен присоединиться материал чувственного опыта, или созерцание. Объективное знание возникает только в результате синтеза чувственного содержания и категориальной формы, что и создаёт мир доступных нам явлений.

Развитие учения о категориях получило в трудах Г. В. Ф. Гегеля. Философ основывается на идее о том, что языковое мышление человека категориально: «формы мысли выявляются и отлагаются, прежде всего, в человеческом языке. Во все, что он делает своим, проник язык, а все то, что человек превращает в языки, выражает в языке, содержит в себе некоторую категорию; в такой мере свойственно его природе логическое» [Гегель 2013:

6–7]. В отличие от кантовского понимания категорий как априорных форм рассудка, применяемых субъектом к хаосу ощущений, Г. В. Ф. Гегель видит в категориях не субъективную схему, а объективное содержание самой реальности. Для него категории – это прежде всего формы и ступени саморазвития абсолютной идеи, которые обнаруживают себя как в мышлении, так и в бытии. Именно поэтому язык, пронизывающий всю человеческую деятельность, становится для Г. В. Ф. Гегеля непосредственным свидетельством объективности логического: в грамматических и смысловых структурах языка «отлагается» сама работа мышления, совпадающего с устройством мира.

Категориальность мышления перестаёт быть лишь свойством познающего субъекта, а становится выражением внутренней логики универсума, постигаемой в процессе диалектического движения от абстрактных понятий к конкретному единству. Это снятие противоположности между мышлением и бытием, субъектом и объектом, и составляет суть гегелевского абсолютного идеализма.

Наследие Г. В. Ф. Гегеля было кардинально переосмыслено в марксистской философии, где предпринимались попытки развития материалистической концепции категорий. В этом ключе категория трактуется как отражение наиболее общих и существенных свойств объективного бытия и общественно-исторической практики, закреплённое в философских понятиях. В отличие от гегелевского абсолютного идеализма, марксизм утверждает, что категории не являются априорными формами рассудка, ни ступенями саморазвития абсолютного духа. Они представляют собой исторически развивающуюся систему мышления, которая формируется и преобразуется вместе с развитием человеческой практики познания.

Следовательно, категориальный строй не абсолютен, а относителен и изменчив. В ходе индивидуального развития (онтогенеза) человек усваивает эту систему прежде всего через язык, который оказывается носителем исторически сложившегося логического опыта. Становление категориального мышления приравнивается к становлению собственно человеческого мышления как в истории общества (филогенезе), так и в жизни индивида. Познавательная и практическая сущность категорий была выражена В. И. Лениным, который отмечал: «Моменты познания человеком природы – вот что такое категории логики» [Ленин 1969: 180].

Проведенный обзор эволюции философских взглядов на категории демонстрирует их неразрывную связь с лингвистикой. Эта взаимосвязь была раскрыта французским лингвистом Э. Бенвенистом. Исследователь пришел к выводу, что категории отражают не столько структуру бытия, сколько грамматический строй конкретного языка: «категории Аристотеля являются классификацией частей речи: сущность – существительное, качество – прилагательное, количество – числительное, отношение – сравнительная степень прилагательного, действие и страдание – активный и пассивный залог глагола и т. д.» [Бенвенист 1974: 6].

Философские категории предстают не как чистые, вневременные формы мысли или бытия, а как концепты, опосредованные и сформированные структурой естественного языка. Следовательно, исследование категориального аппарата любой философской системы требует учёта его лингвистического фундамента, что открывает путь к сравнительному анализу картин мира, скрытых в грамматиках различных языков.

Следует согласиться с И. И. Мещаниновым в его важном различении о том, что «существует разница между категориями, выраженными в строе языка, и категориями, выраженными посредством языка» [Мещанинов 1945: 5]. Иными словами, существует два типа категорий: собственно языковые (грамматические) и надязыковые (смысловые, логические). Это разграничение позволяет преодолеть крайности в интерпретации связи языка и мышления. С одной стороны, оно признаёт, что конкретные грамматические формы (как, например, система падежей или видовременная система глагола) исторически изменчивы и специфичны для каждого языка. С другой стороны, оно оставляет пространство для существования универсальных логико-смысловых категорий (таких как причинность, отношение, количество и т. д.), которые, хотя и находят своё воплощение в языке, по своей сути направлены на отражение объективных связей действительности и потому могут выражаться различными языковыми средствами.

Анализируя собственно языковые категории, ключевое место занимают грамматические категории, понимаемые как системы взаимно противопоставленных грамматических форм, объединенных однородным значением.

В современной лингвистике принято разделять грамматические категории на два основных типа: морфологические и синтаксические. Морфологические категории отражают внутреннее строение слова и его форму. В русском языке к ним относятся, например, категории времени, наклонения, залога и лица у глагола, а также категории рода, числа и падежа у имени существительного, прилагательного и некоторых местоимений. Синтаксические категории описывают не внутреннюю форму слова, а отношения и зависимости между словами и их формами в рамках предложения (высказывания). Они отвечают за связи управления, согласования и примыкания. Помимо этого, отдельно выделяют словообразовательные категории. Они представляют собой совокупности словообразовательных моделей (типов), которые объединены общим словообразовательным (деривационным) значением, даже если формальные средства его выражения различны. Например, к такой категории можно отнести имена существительные со значением «исполнитель действия» (учитель, писатель, читатель).

В противоположность собственно языковым (грамматическим) категориям, которые закреплены в формальном строе конкретного языка, существуют надязыковые категории. Это категории мыслительные, выделяемые на основе общих смысловых (семантических) функций. Их изучением активно занимается функциональное направление в лингвистике, в рамках которого они получили название функционально-семантических категорий. Согласно одному из центральных определений, «функционально-семантическая категория – обобщённое значение, представленное системой единиц различных уровней языка, которые взаимодействуют на основе общности их смысловой функции» [Бондарко 2004: 7–10]. Функционально-семантическая категория представляет собой не формальную, а содержательную доминанту, которая может выражаться разнородными средствами: лексическими, морфологическими, синтаксическими.

В рамках функциональной грамматики выделяется ряд таких категорий, например, инструментальность (выражение орудия действия), временная локализованность (указание на конкретный временной план), таксис (отношение одновременности / разновременности действий), каузативность (отношение причины и следствия) и другие. Данный список не является фиксированным, он открыт для пополнения, что отражает динамический характер самого языка и его способности к смысловой организации. Вышеупомянутый подход позволяет описывать, как разные уровни языковой системы объединяются для реализации единой коммуникативной задачи.

Категории рассматриваются: «в широком смысле как любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле как некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [ЛЭС 1990].

В «широком смысле» оно охватывает разнородные группировки, основанные на общности функции или значения (что сближает его с понятием функционально-семантических категорий), тогда как «строгий смысл» соответствует традиционным грамматическим категориям, построенным на оппозиции формальных признаков (например, число, время, падеж). Данная дихотомия подчеркивает двойственную природу языковых категорий, которые служат одновременно инструментом структурирования формальной системы языка и средством организации смысла в речи.

Любая научная дисциплина оперирует системой категорий, составляющих её понятийный аппарат. В философии категория понимается как фундаментальная форма мышления, отражающая наиболее общие отношения между бытием и сознанием [ФЭС 1983: 251]. Применительно к языку категории выступают инструментом осмысления и упорядочивания действительности, не существуя как объективная данность, но формируясь в процессе познания. Понятия, выступая дискретными единицами сознания, объединяются в более сложные образования – понятийные категории. Сама структура мышления

формируется, с одной стороны, набором этих понятий, а с другой – речевыми (синтаксическими) механизмами, которые обеспечивают порождение связанных мыслительных структур [Кацнельсон 2001: 449].

О. Есперсен отмечает, что «наряду с синтаксическими категориями, или кроме них, или за этими категориями, зависящими от структуры каждого языка, в том виде, в каком он существует, имеются еще внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков. Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам хотя они редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом. Некоторые из них относятся к таким фактам внешнего мира, как пол, другие – к умственной деятельности или к логике» [Есперсен 1958: 57]. Именно эти категории О. Есперсен называет понятийными категориями.

Семантические функции, реализуемые элементами языкового поля, представляют собой «поверхностную» репрезентацию инвариантных понятийных категорий глубинного уровня, носящих универсальный характер [Бондарко 1973: 12]. Организация языковых средств, распределение семантической нагрузки между морфологическими, синтаксическими, лексическими и словообразовательными механизмами – всё это относится к поверхностной семантике, которая, базируясь на глубинных инвариантах, приобретает конкретно-языковую специфику.

Понятийные категории, таким образом, выполняют функционально активную роль на обоих уровнях: на глубинном они реализуются в общезначимых вариантах, лишенных национального своеобразия, а на поверхностном – в вариантах, составляющих отличительную особенность данного языка или группы языков [там же]. В дальнейшем А. В. Бондарко уточняет эту модель, разделяя сами понятийные категории на фундаментальные (облигаторные и универсальные) и нефундаментальные (факультативные и неуниверсальные) [Бондарко 1976: 78], что свидетельствует о тонком осознании сложности иерархических отношений между сущностями, не данными в непосредственном чувственном опыте.

Н. А. Кобрина выделяет три типа понятийных категорий, различающихся по характеру их соотношения с языковыми формами. К первому типу относятся категории, непосредственно отражающие реальность в виде форм и предметов мысли; их семантика практически неотделима от понятийного содержания, а в семантическом синтаксисе они выступают как актанты. Соотнесённость таких категорий с языковыми формами зависит от типа языка: в синтетических языках закрепление идёт по принципу «одно понятие – одна или несколько форм», в изолирующих – «несколько понятий – одна форма», что служит функционально значимым критерием типологической дифференциации [Кобрина 1989: 43–44]. Вторым типом образуют понятийные категории-параметры (вид, время залог, наклонение, род, число, падеж), для которых однозначная соотнесённость с формой, как правило, отсутствует, и их реализация требует взаимодействия морфологических и синтаксических средств. Третий, релятивный (операционный), тип представляет собой схемы организации понятий, лежащих в основе пропозиции и построения различных структурных и коммуникативных типов предложения; такие категории реализуются через семантические сущности языка [там же].

При этом, согласно позиции исследователя, семантическое содержание не отделено от понятийного и в ряде случаев может рассматриваться как его эквивалент, однако семантика уже и конкретнее понятийных категорий: некоторые из последних (например, экспрессивность, эмоциональность, некоторые виды оценочности и модальности) не получают в семантическом плане чёткого выражения [там же].

Различные аспекты и уровни языка, взаимодействуя между собой, образуют иерархическую систему, в которой понятийные категории выступают необходимой предпосылкой адекватного функционирования всего языкового механизма. При этом каждый уровень и аспект языка по-разному соотносится с понятийной сферой: если единицы фонетического уровня определяются физиологическими возможностями артикуляционного аппарата и в целом не соотносятся с понятийными единицами, то лексическая система регулярно коррелирует с фондом понятий. Наиболее же явно на понятийную сферу

реагирует грамматическая система, что обусловлено её приближенностью к общим законам организации мышления и, следовательно, её особой ролью в концептуализации и структурировании внеязыковой деятельности [Шустова 2009: 65].

Разные языки демонстрируют многообразие способов выражения одних и тех же понятийных категорий, при том, что сами эти понятия являются продуктом исторического развития человеческого общества и, следовательно, обладают единой содержательной основой [Мещанинов 1946: 7].

Иными словами, понятийные категории носят универсальный характер, поскольку формируются в процессе общественно-исторической практики, однако средства их языковой реализации могут существенно варьироваться от языка к языку. При внешнем различии грамматических и лексических форм исследователь может исходить из предположения о глубинном понятийном единстве, что позволяет сопоставлять языки не на уровне поверхностных структур, а на уровне категориального содержания, общего для человеческого мышления в целом: «понятийные категории, которые получают в языке синтаксическую или морфологическую форму, становятся грамматическими понятиями и, таким образом, в грамматических категориях отображаются не все выявляемые в языке понятия, а только те, которые получают в языке формальное выражение» [Мещанинов 1978: 237–238].

Одни языковые категории обладают эксплицитным формальным выражением – к их числу относятся морфологические категории числа, времени и степени сравнения, которые закреплены в грамматической системе с помощью аффиксации и других показателей. Другие категории, напротив, не имеют формальных маркеров, однако выполняют важную регулятивную функцию в процессе построения высказывания: они обуславливают лексическую сочетаемость и определяют выбор грамматических форм в структуре предложения.

Б. Л. Уорф вводит принципиальное разграничение между двумя типами категорий – открытыми (явными) и скрытыми. Открытая категория, или фенотип, характеризуется тем, что получает формальное выражение в каждом предложении, где присутствует элемент, принадлежащий данной категории (например, категория множественного числа в английском языке). Скрытая категория, или криптотип, напротив, выражается с помощью специальной морфемы или особой синтаксической конструкции лишь в некоторых случаях, но не во всех предложениях, содержащих соответствующий элемент (например, категория рода в английском языке) [Уорф 1972].

Ш. Балли выделяет лексические категории, определяя их как категории знаков, выражающих понятия и комбинируемых в речи посредством грамматических связей [Балли 1955: 128]. К лексическим категориям относятся слова, или, виртуальные семантемы – знаки, которые репрезентируют чисто лексические (простые или сложные) понятия независимо от их формального выражения. Эти семантемы обозначают предметы, качества, процессы, а также разновидности качества или действия, что соответствует таким частям речи, как существительные, прилагательные, глаголы и наречия.

В современной лингвистике грамматические категории рассматриваются как ядро функционально-семантических полей (ФСП), которые объединяют разноуровневые средства языка на основе общности семантических функций [Бондарко 1983: 24]. Функционально-семантическое поле представляет собой содержательно-формальное единство, охватывающее конкретные языковые средства со всеми особенностями их формы и содержания [там же].

Языковые элементы, входящие в состав ФСП, характеризуются следующими признаками: 1) наличие общих инвариантных семантических функций; 2) взаимодействие парадигматических и синтагматических явлений; 3) структурная организация по принципу «центр (ядро) – периферия», где в ядре сосредоточен комплекс грамматических оппозиций, максимальная функциональная нагрузка, высокая специализированность и регулярность употребления; на периферии оппозиции непоследовательны, функциональная нагрузка снижена, специализированность и частотность уменьшаются; центральные явления выполняют регулирующую и консолидирующую функцию по отношению к периферийным; 4) наличие постепенных переходов, позволяющих элементу принадлежать к нескольким полям [Бондарко 1976, 1983].

Заключение

Проведенное исследование эволюции понятия «категория» в философской и лингвистической традициях позволяет сделать ряд обобщающих выводов. Историко-философский анализ демонстрирует, что учение о категориях зарождается в античности как попытка систематизации предельно общих родов бытия и одновременно форм высказывания о нем. В аристотелевской системе категории выполняют двойственную функцию: они выступают и как онтологические характеристики сущего (сущность, количество, качество, отношение и др.), и как логико-лингвистические предикаты, структурирующие речь. Эта двойственность закладывает фундамент для последующего осмысления связи между устройством мира, мышлением и языком.

В теории И. Канта категории перемещаются из сферы бытия в сферу познающего субъекта, становясь необходимым условием структурирования чувственного опыта. Г. В. Ф. Гегель, напротив, возвращает категориям объективное содержание, рассматривая их как ступени развития абсолютной идеи, обнаруживающие себя как в мышлении, так и в языке. Марксистская традиция переосмысляет категории как исторически развивающиеся формы отражения объективной реальности и общественной практики, закрепленные в языке и усваиваемые индивидом в процессе социализации.

В лингвистике развитие учения о категориях идет по пути дифференциации типов категориальных явлений. Принципиальным оказывается разграничение И. И. Мещанинова между категориями, выраженными «в строе языка» (грамматическими), и категориями, выраженными «посредством языка» (понятийными). Это позволяет признать историческую изменчивость грамматических форм, сохраняя представление об универсальных логико-смысловых категориях.

Дальнейшая разработка понятийных категорий в трудах О. Есперсена, А. В. Бондарко, Н. А. Кобриной выявляет их иерархический характер. Так, выделяются категории, отражающие реальность (актанты), категории-параметры (время, вид, залог) и релятивные категории, лежащие в основе пропозициональных структур. Важным вкладом становится разграничение глубинного (универсального) и поверхностного (конкретно-языкового) уровней реализации понятийных категорий.

Современная лингвистика рассматривает грамматические категории как ядро функционально-семантических полей – содержательно-формальных единств, объединяющих разноуровневые средства выражения общего смысла. Полевая организация (центр-периферия) позволяет моделировать сложную структуру языковой категории.

Проведенное исследование подтверждает неразрывную связь философских и лингвистических категорий. Философские категории выступают как предельно общие формы мышления, отражающие фундаментальные связи действительности. Лингвистические категории представляют собой исторически изменчивые инструменты языкового воплощения этих смысловых форм. Язык выступает не просто средством выражения готовых категорий, но активной средой их формирования. Дальнейшее изучение этой системы требует продолжения междисциплинарного диалога и интеграции методов философского и лингвистического анализа.

Список литературы

1. Аристотель. Категории / под ред. Г. Ф. Александрова (с примечаниями и предисловием), Перевод А. В. Кубицкого. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 130 с. URL: <https://www.calameo.com/books/004859225a74ecf7aa86b> (дата обращения: 21.07.2024).
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. 412 с.
3. Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Общая лингвистика / под ред. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс, 1974. С. 104–114.
4. Большая российская энциклопедия: в 30 т. / Председатель науч.-ред. совета Ю. С. Осипов. Отв. ред. С. Л. Кравец. Т. 13. М. : Большая Российская энциклопедия, 2008. 783 с.
5. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. 208 с.
6. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1976. 255 с.

7. Бондарко А. В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1973. 192 с.
8. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1983. 208 с.
9. БСЭ – Большая советская энциклопедия / В. В. Соколов // Акциденция. URL: <https://gufo.me/dict/bse/Акциденция> (дата обращения: 03.07.2024).
10. Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Сочинения. М. : Книга по Требованию, 2013. Т. V. 816 с.
11. Есперсен О. Философия грамматики. URL: www.franklang.ru. (дата обращения: 03.11.2025).
12. Кант И. Критика чистого разума. Сочинения в шести томах / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги Т. И. Ойзермана. М. : Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
13. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления. Из научного наследия. М. : Языки славянской культуры, 2001. 864 с. (Классики отечественной филологии).
14. Кобрин Н. А. Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковая реализация. Л. : ЛГПИ, 1989. С. 40–49. EDN: NNKTYH
15. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Изд-во политической литературы, 1969. Т. 29. 783 с.
16. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 20.02.2026).
17. Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. М., 1945. № 1. С. 5–17.
18. Мещанинов И. И. Понятийные категории и грамматические понятия // Вестник Московского университета, 1946, № 1. С. 7–24.
19. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л. : Наука, 1954, 1978. 387 с.
20. Радченко Е. В., Гудзенко Д. В. Термины и понятия современной лингвистики // Проблема категории отношения в современной философии, логике и языкознании. 2013. Том 10. № 2. URL: D:/_User/_Downloads/problema-kategorii-otnosheniya-v-sovremennoy-filosofii-logike-i-yazykoznanii.pdf (дата обращения: 20.02.2026).
21. Уорф Б. Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М. : Наука, 1972. 282 с.
22. Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983. С. 251.
23. Шустова С. В. Типы и функции понятийных категорий // Pazhuheshe Zabanhaye Khareji. Scientific Publication of the Faculty of Foreign Languages. University of Tehran, 2009. No. 47, Special Issue, Russian. С. 59–70. EDN: USDFHL

References

1. Aristotel'. Kategorii [Aristotle. Categories]. Ed. by G. F. Aleksandrova. Moscow, Gosudarstvennoe social'no-ehkonomicheskoe izdatel'stvo, 1939, 130 p. (In Russ.). Available at: <https://www.calameo.com/books/004859225a74ecf7aa86b> (accessed: 21.07.2024).
2. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka [General linguistics and issues of the French language]. Moscow, Izd-vo inostrannoj literatury, 1955, 412 p. (In Russ.).
3. Benvenist Eh. Kategorii mysli i kategorii yazyka [Categories of thought and categories of language]. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress, 1974, pp. 104–114. (In Russ.).
4. Bol'shaya rossijskaya ehnciklopediya [The Great Russian Encyclopedia]. Vol. 13, Moscow, Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya, 2008, 783 p. (In Russ.).
5. Bondarko A. V. Teoreticheskie problemy russkoj grammatiki [Theoretical problems of Russian grammar]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2004, 208 p. (In Russ.).
6. Bondarko A. V. Teoriya morfologicheskikh kategorij [Theory of morphological categories]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1976, 255 p. (In Russ.).
7. Bondarko A. V. O nekotoryh aspektah funkcional'nogo analiza grammaticheskikh yavlenij [On some aspects of the functional analysis of grammatical phenomena]. *Funkcional'nyj analiz grammaticheskikh kategorij* [Functional analysis of grammatical categories]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1973, 192 p. (In Russ.).
8. Bondarko A. V. Principy funkcional'noj grammatiki i voprosy aspektologii [Principles of functional grammar and issues of aspectology]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1983, 208 p. (In Russ.).
9. BSEh – Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya [BSE – Great Soviet Encyclopedia]. V. V. Sokolov, Akcidenciya. (In Russ.). Available at: <https://gufo.me/dict/bse/Akcidenciya> (accessed: 03.07.2024).
10. Gegel' G. V. F. Nauka logiki [The science of logic]. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Kniga po Trebovaniyu, 2013, vol. V, 816 p. (In Russ.).
11. Espersen O. Filosofiya grammatiki [Philosophy of grammar]. (In Russ.). Available at: www.franklang.ru. (accessed: 03.11.2025).
12. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. Moscow, Mysl', 1964, vol. 3, 799 p. (In Russ.).
13. Kacnel'son S. D. Kategorii yazyka i myshleniya. Iz nauchnogo naslediya [Categories of language and thinking. From scientific heritage]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001, 864 с. (In Russ.).
14. Kobrina N. A. Ponyatijnye kategorii i ih realizaciya v yazyke [Conceptual categories and their implementation in language]. *Ponyatijnye kategorii i ih yazykovaya realizaciya* [Conceptual categories and their linguistic realization]. Leningrad, LGPI, 1989, pp. 40–49. EDN: NNKTYH (In Russ.).

15. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury, 1969, vol. 29, 783 p. (In Russ.).
16. LEHS – Lingvisticheskiy ehnciklopedicheskiy slovar' [LES – Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Editor-in-chief V. N. Yarceva. Moscow, Sovetskaya ehnciklopediya, 1990. (In Russ.). Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/> (accessed: 20.02.2026).
17. Meshchaninov I. I. Ponyatijnye kategorii v yazyke [Conceptual categories in language]. *Trudy Voennogo instituta inostrannyh yazykov*. [Proceedings of the Military Institute of Foreign Languages]. Moscow, 1945, no. 1, pp. 5-17. (In Russ.).
18. Meshchaninov I. I. Ponyatijnye kategorii i grammaticheskie ponyatiya [Conceptual categories and grammatical concepts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. 1946, no. 1, pp. 7-24. (In Russ.).
19. Meshchaninov I. I. Chleny predlozheniya i chasti rechi [Sentence members and parts of speech]. Leningrad, Nauka, 1954, 1978, 387 p. (In Russ.).
20. Radchenko E. V., Gudzenko D. V. Terminy i ponyatiya sovremennoj lingvistiki [Terms and concepts of modern linguistics]. *Problema kategorii otnosheniya v sovremennoj filosofii, logike i yazykoznanii* [The problem of the category of relation in modern philosophy, logic and linguistics]. 2013, vol 10, no. 2. (In Russ.). Available at: D:/_User_/Downloads/problema-kategorii-otnosheniya-v-sovremennoy-filosofii-logike-i-yazykoznanii.pdf/ (accessed: 20.02.2026).
21. Uorf B. L. Grammaticheskie kategorii [Grammatical categories]. *Principy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of typological analysis of languages of different systems]. Moscow, Nauka, 1972, 282 c. (In Russ.).
22. Filosofskij ehnciklopedicheskiy slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya ehnciklopediya, 1983, pp. 251. (In Russ.).
23. Shustova S. V. Tipy i funkcii ponyatijnyh kategorij [Types and functions of conceptual categories]. *Pazhuheshe Zabanhaye Khareji. Scientific Publication of the Faculty of Foreign Languages*. University of Tehran, 2009, no. 47, Special Issue, Russian, pp. 59-70. EDN: USDFHL (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Малахова – аспирант, преподаватель, кафедра зарубежной филологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

E. V. Malakhova – Postgraduate Student, Lecturer, Department of Foreign Philology, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 25.03.2026.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 25.03.2026.